

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ЮЛИИ КЛИМОВОЙ

ШУРЫГИНЫ. СЧАСТЬЕ НЕ ЧУЖОЕ

Пожалуйста, обернись
Сто лет без тебя
Там сосны рисуют небо

АНАСТАСИЯ ЛАНЬЕ. ПУТЬ ДОМОЙ

Стрекоза летит на север
Гнездо для стрекозы

ГЛЕБ. КОЛЧАН СО СТРЕЛАМИ АМУРА

В её сердце акварель
Ветер подскажет имя

ДЖЕННИ. ВРЕМЯ НАДЕЖД И ЖЕЛАНИЙ

Удача не плачет
Я твоё ненастье

Мадемуазель Судьба
Перёкресток всех дорог
Не исчезай, останься
Разбуди моё сердце
Рецепт её счастья
Не спеши её терять
Лети, птица Феникс
Дом певчих птиц
Я пришла, откройте дверь

Юлия Климова

Я твоё ненастье

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Художественное оформление серии
Радия Фахрутдинова

Иллюстрация на обложке *RÉMICH*

Климова, Юлия Владимировна.

К49 Я твоё ненастье / Юлия Климова. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202492-4

Ветер перемен бывает жесток. Иногда он уносит самое ценное, оставляя взамен лишь надежду. Еще недавно Дженни была счастлива, она наконец-то раскрыла тайну своего рождения и переехала в дом к отцу. У нее появились бабушка, мачеха, братья... Много родственников, но, как оказалось, не каждый готов принять юную наследницу.

Теперь Дженни знает, что рядом с ней живет враг. И этот враг никогда ее не отпустит.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202492-4

© Климова Ю., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Папа, я помню, я верю, я знаю.

ГЛАВА 1

Дыши и помни

Превращаться в тень я научилась давно, еще в детстве. И вот теперь эта способность вновь пригодилась. Все просто. Если ваша жизнь находится в руках другого человека, то лучше оставаться незаметной, передвигаться бесшумно и лишний раз не привлекать к себе внимания. А мое истерзанное горем существо (и нет другого определения) вот уже неделю принадлежит сводному брату. Именно столько прошло времени с тех пор, как Егор произнес простые и одновременно убийственные слова:

— Опекунство нельзя оформить без согласия подростка, Дженни. Так ты согласна, чтобы твоим опекуном стал я?

— Да.

На принятие решения потребовалось меньше минуты.

Это только кажется, что у человека всегда есть выбор.

Впрочем, он был и у меня... Или я добровольно отправлюсь в ад, созданный Егором, где проведу два года до совершеннолетия, или предам память папы и позволю разрушить все, чего он достиг. А разрушением непременно бы с жадным удовольствием заня-

лись мои дядя и тетя. Но для этого им нужно было заполучить меня с весомой частью наследства в придачу. Я хорошая добыча. Ценный приз. Выигрывает тот, кому я досталась.

Комнату я покидаю редко, и маршрутов обычно три. Ближе к обеду я отправляюсь на кухню, чтобы выпить сладкий чай. Устроившись на своем обычном месте за столом, я закрываю глаза и представляю, как привычно касаюсь локтя Павла и слышу голос папы. *«Дженни, подумай, где бы ты хотела отдохнуть? Я бы с удовольствием показал тебе весь мир сразу, но это невозможно...»* — например, говорит он. И я обещаю подумать, не сомневаясь, что впереди — вечность...

Иногда я спускаюсь на первый этаж, делаю медленный круг по гостиной, выхожу из дома и устремляюсь к бассейну. Сажусь на деревянный лежак, смотрю на воду и вспоминаю все то, что происходило здесь еще несколько месяцев назад. Павел учил меня плавать. Он обещал, что однажды я стану дельфином. Его руки ложились на мою талию, серо-голубые глаза смотрели нежно, улыбка вызывала прекрасное беспокойство...

И третий, самый болезненный маршрут: по лестнице вниз, свернуть направо и еще немного пройти. Комната Павла. Обычно я устраиваюсь на его кровати или за письменным столом, беру мобильный телефон и в тысячный раз читаю нашу давнюю переписку. Это хоть как-то согревает душу. Не знаю, зачем приношу блокнот и карандаши... С тех пор как разбился самолет, на котором летели папа и Павел, не получается рисовать. Пальцы начинают дрожать, слезы душат, а на сердце быстро-быстро лопаются кривые красные стежки, кое-как стягивающие края глубокой раны.

Я не могу ездить на кладбище. Не представляю, где оно находится. В памяти всплывают лишь малозначительные детали: светофоры, деревья, автобусные остановки... А этого слишком мало. Конечно, можно задать вопрос бабушке, но она сейчас ни с кем не разговаривает, и я не смею нарушить плотную тишину ее комнат. Даже шепот там прозвучит как крик. «Дженни, я хочу побыть одна...» — позавчера сказала бабушка, продолжая неподвижно смотреть в окно. И это была единственная фраза, которую она произнесла после похорон.

Дорогу знает Кирилл, наш водитель, но он наверняка сообщит Егору о том, что я собралась на кладбище в одиночестве. Скорее всего, мне это запрещено. Хотя если я исчезну с лица земли, никто плакать не станет. Уверена, Кирилл бы сам отвез меня, но... Иногда в гостиной или столовой я натываюсь то на бутылку виски, то на бокал. Подозреваю, именно из-за алкоголя мой сводный брат сам за руль не садится, и Кирилл поэтому занят с утра и до вечера.

Про Елену Валерьевну я все время забываю, будто она не живет в этом доме. Мы не видимся. Мать Егора по утрам куда-то уезжает, потом возвращается... И не всегда это происходит в тот же день. О ее появлении мне сообщают смешанные ароматы дорогих духов, изредка проплывающие по комнатам, черный палантин, небрежно оставленный на спинке кресла в гостиной, короткие возгласы: «Егор, я хочу с тобой поговорить!» Или: «Эмма, принеси кофе в мою комнату!» И еще бывает, я вижу машину Елены Валерьевны, когда направляюсь в бассейн. Но чаще это место пусто.

Не уверена, что хочу поехать на кладбище. Все кажется, будто вот сейчас, через секунду, откроется дверь, и зайдут папа и Павел. Живые и неведимые.

А случившееся — кошмарный сон, который обязательно забудется. И так страшно потерять эту полупрозрачную иллюзию, пустую надежду...

— Дженни, вы опять не поели, — со вздохом произнесла Эмма, глядя на нетронутую картофельную запеканку. — Скоро ваш организм окончательно отвыкнет от еды, и придется обращаться к врачам. Разве вы этого хотите? Категорически нельзя ставить над организмом такие эксперименты. Особенно в шестнадцать лет.

— Час назад я выпила кофе в столовой и съела довольно много печенья, — соврала я, пытаюсь вспомнить, когда Эмма принесла поднос... Было неловко от того, что она ухаживает за мной и беспокоится. Это во все не входит в обязанности помощницы по хозяйству, но Эмма — хороший человек. Я поняла это недавно, сразу после случившейся трагедии. Больше никто и не общался со мной в те самые тяжелые дни...

— Дженни, я вас очень прошу, подумайте о своем здоровье. — Задержав на мне укоризненный и одновременно сочувственный взгляд, Эмма бесшумно направилась к двери. Показалось, будто из ее груди вырвался тяжелый вздох: полные плечи чуть приподнялись и судорожно опустились.

— Обязательно подумаю, — тихо пообещала я и тоже вздохнула.

Раньше строгие платья Эммы всегда украшали белые, вязанные крючком воротнички и манжеты, но теперь их не было. Траур не терпит белый цвет. А траур пропитал наш дом от фундамента до крыши.

Глаза защищало от слез, но я тряхнула головой, прогоняя их. Плакать хотелось очень. Каждый день и каждую минуту. Вот только я не желала расставаться даже с каплей боли, переполнявшей душу. И я бо-

ялась забыть... Важное и пустяковое: голоса, фразы, улыбки, смех, принт на футболке, поворот головы, витринные окна отеля, высокий бокал с газировкой... *«Для шампанского ты еще маленькая, Дженни. Если бы ты только знала, как ты красива и притягательна. И теперь я точно могу гордиться своей силой воли...»* Память о последних счастливых месяцах — это все, что у меня осталось.

— Павел, как я по тебе скучаю... Вернись, пожалуйста... Пусть это невозможно, но ты вернись...

Открыв альбом и привычно задержавшись на одной из страниц, я погладила пальцем нарисованную красную розу, когда-то подаренную мне Павлом. Затем поднялась из-за стола и вышла из комнаты. Вечера в ноябре не радуют теплом, и, наверное, следовало захватить ветровку, однако мой путь не будет длинным: до бассейна всего несколько метров. Сжав перила лестницы, я посмотрела вниз и никого не обнаружила.

«Это хорошо, останусь незамеченной. Надо бы в ремне проделать дополнительную дырку, а то джинсы уже сваливаются».

Около ворот Кирилл мыл машину, и я закусила губу, подозревая, что Егор уже дома. Рановато, но он уезжает в офис и возвращается, когда посчитает нужным. После смерти папы мой сводный брат возглавил империю Уваровых, и теперь в его руках все ветви семейного бизнеса. Егор Викторович. Так теперь его называет Эмма.

Уже неделю меня преследовала слабость, и я старалась не передвигаться быстро и не делать резких движений. Сначала пальцы начинали покалывать иголки, потом немного немели ноги, и в итоге случалось короткое головокружение. Слабость была приятной,

будто постепенно тело обволакивает невидимый ватный кокон, который мешает ходить, приглушает звуки и убаюкивает. Я знала, что мне нужно больше есть, но с трудом получалось впихнуть в себя хотя бы два кусочка сыра. Подступала тошнота, и крепко сжимались зубы.

Свернув на задний двор, я прошла под окнами комнат бабушки, оставила позади баню и... замерла, чувствуя, как в груди просыпается колючий страх. Двери столярной мастерской Егора были распахнуты, на дорожку лился свет, и в воздухе витали древесные запахи.

Он был там.

Мой опекун.

И пожалуй, самое лучшее, что я могла сделать, это развернуться и устремиться обратно. Но неведомая сила подтолкнула меня вперед.

Когда последний раз я видела Егора?.. Позавчера из окна? Или четыре дня назад? Я старательно следила за тем, чтобы наши миры не соприкасались, и это удавалось, но...

«Егор и Павел — близнецы. Были близнецами, потому что Павла больше нет... Должна ли я в таком случае говорить слово «были»? Нет, я не стану его произносить даже мысленно. Не стану. Почему нельзя вернуться в прошлое? Почему нельзя ничего исправить?..»

Я приблизилась к мастерской и прижала ладонь к шершавой двери. Душа требовала самообмана, и я решила ей уступить. Один маленький шаг. Второй. Третий. Нет, невозможно перепутать Егора и Павла, я лишь желала увидеть знакомые черты лица и на секунду представить, что самолет вовсе не разбивался. Одна секунда счастья — это так много...

На полу валялась стружка, с табурета свешивались пиджак и черная рубашка. А затем в глаза бросились ящики, доски, инструменты, странные штуки, похожие на бейсбольные биты, несколько станков, назначение которых было загадкой, два светлых новеньких стула с узкими спинками, а на краю тумбы стояла недавно открытая бутылка виски... Я уже узнавала этикетку и могла поспорить, что к утру бутылка опустеет.

Егор стоял ко мне спиной и, точно механический робот, не знающий усталости и отдыха, работал рубанком. Стародавним, не электрическим. Спина и руки блестели от пота, мышцы напряглись, и по резким движениям было ясно, что мой сводный брат зол. Тонкая стружка падала на стол, а затем скатывалась на пол, древесная пыль липла к дорогим темно-серым брюкам, раздавался монотонный скользкий и шаркающий звук, и мое сердце билось все громче и громче.

Сейчас, когда я не видела выражения лица, не ловила холод в серо-голубых глазах Егора, не впитывала его неприязнь и даже ненависть, я...

«Отец летел в командировку — да, но Павел отправился с ним только из-за тебя, Дженни. Надеюсь, ты навсегда запомнишь, кто виноват в его смерти. Я не забуду точно». — Слова Егора, сказанные неделю назад, острой болью отозвались в груди. Вздвигнув, я наступила на ветку, и та коротко хрустнула.

Я не сомневалась, что сейчас он обернется...

И поздно было бежать за тридевять земель.

Егор замер, затем медленно повернул голову в мою сторону, выпрямился, небрежно положил рубанок рядом с доской и направился ко мне. Лучшего момента для молитвы и не придумать.

Челка съехала на лоб, и Егор провел рукой по волосам, убирая их назад. Это было одно из привыч-

ных движений Павла, и я жадно впитала его, позабыв об осторожности. Темно-русые волосы, тяжелые брови, глаза формы миндаля, чуть заостренный нос, квадратный подбородок... Это то лицо, на которое я мечтала смотреть вечность! И это тот человек, который непременно превратит мою жизнь в кошмар... Братья-близнецы. Один — самый добрый и лучший, а второй никогда не мог простить мне того, что однажды я перешагнула порог дома Уваровых и получила столь долгожданную любовь отца¹. Папа меня любил. Очень.

Подхватив рубашку, Егор вытер пот с шеи и груди, отшвырнул ее и остановился напротив меня. Сейчас он выглядел старше своих двадцати лет, что было неудивительно. Горе, усталость, небритость и алкоголь добавляли еще года четыре. Горе. Странно, что оно у нас одно. Казалось, параллельные вселенные не должны пересекаться ни в одной точке.

Долгий изучающий взгляд Егора прошелся по мне с головы до ног и взметнулся вверх так хлестко и стремительно, что я качнулась. Наши глаза встретились, и я, защищаясь, вытянулась в струну и сжала кулаки. Конечно, я проиграю, но хотя бы две минуты пусть будут мои.

— Ты отвратительно выглядишь, — сухо произнес Егор, и я автоматически посмотрела на бутылку виски.

«Кто бы говорил... Я, по крайней мере, не пью».

— Мне все равно.

— Хочешь выпить? — спросил Егор, проследив за моим взглядом. На его губах появилась знакомая едкая усмешка, но через секунду от нее не оста-

¹ Об этом можно прочитать в романе Ю. Климовой «Удача не плачет».

лось и следа. — Не советую. — Голос прозвучал тихо и хрипло, а глаза Егора потемнели. — Алкоголь плохо влияет на детский мозг. Полагаю, вам в школе об этом рассказывали. — Ирония вспыхнула и погасла, а Егор продолжил цепко изучать меня, и увиденное ему точно не понравилось. — Иди в дом, — немного помолчав, добавил он. И, потеряв ко мне интерес, вернулся к столу и доске.

Но интуитивно я почувствовала перемену в его настроении, рубанок теперь двигался гораздо быстрее, а стружка, закручиваясь в длинную спираль, отлетала, подпрыгивая.

Метнувшись к бассейну, я плотно закрыла дверь, включила только дальний свет над водой, подошла к зеркалу и посмотрела на себя.

Не имело значения, растрепаны волосы или нет, есть на носу какой-нибудь прыщик или царапина, стало больше конопушек или они навсегда исчезли... Да ничего не имело значения! Но я не хотела выглядеть жалкой. Егор не должен был видеть меня раздавленной и беспомощной.

Глаза вновь защищало от слез, отражение задрожало, но потом стало четким. Я походила на обугленную щепку, которая по каким-то неведомым причинам не догорела. Голубые глаза погасли, вокруг них образовались темные круги, щеки впали, отчего лицо казалось вытянутым, уголки губ опустились, а сами губы поблекли и даже посинели. Тощая шея, выпирающие ключицы, руки-палки и ноги-палки...

Обернувшись, я посмотрела на спокойную воду, и из прошлого донеслись слова Павла: *«Дженни, если тебе понадобится хоть какая-нибудь помощь, ты всегда можешь обратиться ко мне. Ты... замечательная».*